

УДК 111

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-312-317

**Инверсия детерминации и тотализация стоимостных форм:
современный капитализм как онтологический проект****Краснов Антон Сергеевич**

Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Волчкова Ольга Олеговна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры религиоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Федотов Дмитрий Леонидович

Аспирант кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Целью исследования является онтологизация категории абстрактного труда как субстанции капитализма и раскрытие механизмов инверсии детерминации в современных формах социального бытия. В статье рассматривается эволюция капитала в гегелевскую «субстанцию-субъект», чья имманентная цель выражается в бесконечном самовозрастании стоимости, тотализирующем пространство социального и природного бытия. Особое внимание уделяется тому, как стоимостная форма, ранее опосредовавшая конкретное содержание, в условиях финансовализации, цифровых платформ и биополитической эксплуатации начинает конструировать само общественное бытие. Научная значимость работы заключается в радикальной онтологизации марксистской категории абстрактного труда, трактуемого как первичная субстанция, структурирующая предельные модусы капитализма и обеспечивающая воспроизводство новых форм стоимости. В результате исследования выявляется, что капиталистическая тотальность достигает предельного проникновения во все аспекты человеческой жизни – от трудовых практик до биологического времени.

Ключевые слова: стоимость, абстрактный труд, субстанция стоимости, платформенный капитализм, рабочее время

Для цитирования: Краснов А.С., Волчкова О.О., Федотов Д.Л. Инверсия детерминации и тотализация стоимостных форм: современный капитализм как онтологический проект // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 312–317. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-312-317.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что современный капитализм достиг стадии, в которой его субстанцией становится абстрактный труд, тотализирующий не только сферу материального производства, но и воспроизводство, субъективность, биологическое время и социальные связи. В этих условиях возникает феномен инверсии детерминации: стоимостные формы начинают определять содержание общественной жизни, тогда как ранее они выступали лишь её опосредованием. Осмысление данной трансформации требует возвращения к онтологическим основаниям анализа капитализма. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- раскрыть процесс становления капитала как субстанции-субъекта;
- показать логику онтологизации абстрактного труда в условиях современного капитализма;
- выявить механизмы инверсии детерминации и их проявления в различных сферах социального бытия;
- описать процесс тотализации стоимостных форм и их проникновение в разные сферы человеческой жизни.

Теоретическая база исследования опирается на диалектическую традицию анализа труда и стоимости, в частности на концепции, в которых труд рассматривается как субстанция общественного бытия, а капитал – как самодвижущаяся форма, подчиняющая себе все сферы жизни. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют по-новому анализировать современные процессы цифровизации, биотехнологической экспансии и платформенной экономики. Предлагаемая онтологическая перспектива даёт возможность критически осмысливать тенденции развития капитализма и выявлять пределы его экспансии в сферу субъективности и природы.

Традиция философской критики фундаментальных основ капиталистического способа производства и выстраивания общественных отношений своими корнями уходит в классическую трансцендентально-критическую философию и марксизм, сегодня требует возврата к основополагающим онтологическим структурам, выявленным Г.В.Ф. Гегелем и развитым К. Марксом и Ф. Энгельсом, и рефлексии на современном этапе развития в условиях зрелости системы. Теории, претендующие в современном критическом дискурсе на статус критических, *de facto* таковыми не обладают, поскольку фокусируются на эпифеноменах – культурных, политических или экстремальных аспектах: экологические кризисы, социальная асимметрия. При этом сама суть современного капитализма, его реальная онтологическая основа и первичная детерминанта – *имманентное движение стоимостной формы* – остаётся вне горизонта рефлексии.

Генеалогия диалектики стоимостной формы глубоко укоренена в гегелевской метафизике Абсолюта как «субстанция-субъект» [1, с. 213]. Если экстраполировать гегелевскую оптику на современный капитализм, капитал не есть конкретно-определённая вещь либо совокупность общественных отношений, но есть самодвижущаяся *субстанция-субъект*, чьей имманентной телеологией и принципом является бесконечное саморасширение стоимости, что отвечает уже марксовому определению капитала – «самовозрастающая стоимость» [2, с. 206]. Современный капитализм развился до стадии *субстанции-субъекта* благодаря тому, что освободился от внешних ограничивающих самовозрастание факторов, подчинив стоимостной оценке и кабале не только сферу материального производства, но и воспроизводства жизни, сознания, природы. Анализ феномена товарного фетишизма у Маркса носил не просто «метафизический», но именно *онтологический* характер, поскольку ему удалось раскрыть феномен специфичности капиталистического бытия, детерминированного *превращённой формой* [3], в котором отношения между людьми принимают форму отношений между вещами [4], поскольку вещь есть *товар*, который является первичной «клеткой» капитализма. В призме современного развития капиталистического общественного способа производства концептуальная диалектика стоимостной формы лишь углубляет марксов анализ. В современном капитализме произошла тотализация стоимостной формы: она перестала быть иллюзорной драпировкой конкретного труда, человеческих потребностей, а стала абсолютным детерминирующим принципом онтологии социального, и только кривое, превращённое зеркало стоимостной формы на сегодняшний день определяет бытийственный статус, что может быть абсолютным и «реальным» в общественном бытии. Реальность, которая не может быть опосредована стоимостной формой, то есть не способная облечься в меновую стоимость, не подлежащая условиям капиталистического рынка, маргинализируется и впоследствии элиминируется, невзирая на её возможную ценность не для капиталистической логики, но для субъективного бытия человека.

Первичной категорией критического анализа современного капитализма не может быть просто «стоимость», что было характерно для классической капиталистической модели времён Гегеля и Маркса, поскольку напрямую опосредовалась через товарное производство и рабочее время. Множественные латентные процессы и мутации капитализма породили новый феномен – *абстрактную субстанцию стоимости*, которая выражается в абсолютном подчинении *конкретного всеобщему*. Так, конкретные феномены, такие как индивидуальное, качественное, чувственное, облакаются и колонизи-

руются всеобщим как *формой*, подчиняются количественным критериям, лишённым качественного содержания, в которых элиминировано всё, кроме способности к обмену. Это и есть новое общественное отношение, которое принимает форму вещи, достигая тотальной автономии от конкретного материального и духовного производства и выражается в интеллектуальной ренте и финансиализации. Единственным способом существования и объективации абстрактной субстанции стоимости является *стоимостная форма* как способ существования в конкретных социальных феноменах, как конкретно-исторические модусы опосредования абстрактной субстанции стоимости. И современная стоимостная форма не может быть эпистемологически редуцирована до марксового определения, поскольку современная стоимостная форма функционирует как инструментальная: так, дериватив является ставкой на будущую стоимостную форму, а значит, на прибыль, что соответствует логике самовозрастания капитализма. Данные, вне зависимости от их качества, значимости и принадлежности, являются первичной стоимостью, поскольку любые данные содержат информацию о поведении субъекта, что является непосредственным источником капитализации, поскольку определяет рыночные возможности и способность формировать потребительские потребности. Основа цифровой экономики современного капитализма – внимание пользователя [5], как первичный капитализируемый ресурс. Биологическое и физическое время колонизируются капитализмом через биотехнологии и общую тенденцию подчинения всех жизненных процессов индивида логике ренты. Отсюда возникает иной, центральный процесс современного капитализма – *инверсия детерминации*, поскольку исторически сложилось так, что стоимостная форма возникала как *форма опосредования* конкретного содержания, например, удовлетворения витальных потребностей через трудовую деятельность, но современные условия радикально меняют движение стоимостной формы, теперь именно она и *детерминирует конкретное содержание*. Инверсия детерминации наиболее ярко проявляется в финансиализации: инвестирование в любое производство определяется не столько реальной общественной потребностью в продуктах производства, напротив, оно определяется требованиями финансовой стоимостной формы – доходностью акционной массы от рейтингов и кредитных свопов. Само содержание подчиняется движению *абстрактной финансовой формы*. Платформенный капитализм формирует поведение пользователя через призму интерфейсов и внутренними алгоритмами самих платформ, которые изначально выстроены согласно логике стоимостной формы. Целью в данном случае является сохранение потока перманентной генерации капитализируемых данных,

а не удовлетворение реальных потребностей пользователя платформы. Отсюда именно форма в виде платформы определяет внутреннее содержание поведения пользователя.

Абсолютная антигуманность современного капиталистического общества выражается, например, в области фармацевтики [6], где именно логика стоимостной формы определяет направление научных исследований только на те заболевания, которые могут быть максимально монетизированы через патентные стоимостные формы и способность обеспечивать максимальную маржинальность ренты, трансформируя биологическое время человека в финансовый актив. Внутренним субстратом современной абстрактной субстанции стоимости выступает капитализированное время, которое преодолевает классическое марксово общественно необходимое рабочее время, транспонируя его в любое время, подлежащее стоимостной оценке и возможной капитализации, включающее в себя: классическое рабочее время, но гиперинтенсифицированное и максимально фрагментированное; время потребления, которое есть вовлечённость пользователя в платформы и создание пользовательского контента как неоплачиваемого труда на платформы (*YouTube, TikTok* и т.д.); время воспроизводства, включающее в себя здоровье и образование, но как подчиняемое логике самооптимизации и логике рынков; будущее время, как сумма дисконтированных ожиданий, долговые обязательства и различные финансовые спекуляции; биологическое время человеческой жизни, содержанием которого является внешнее управление здоровьем, и расценивание генетического потенциала как возможного финансового актива. Таким образом, капитализированное время представляет собой абсолютную апроприацию временного модуса экзистенции, подчинение индивидуального бытия логике стоимостного накопления. К. Маркс в «*Grundrisse*» заметил, что «экономия времени, к этому сводится в конечном счёте вся экономия», но только в современной капиталистической системе экономии подвергается всё индивидуальное время как потенциальный источник универсальной стоимости.

Пространство современного капиталистического общества можно артикулировать как *стоимостную тотальность*, поскольку абстрактная субстанция стоимости через стоимостные формы уже колонизировала не только сферу материального производства, но и все сферы воспроизводства природы, человеческого сознания, производства и обращения знания, став предельной матрицей бытия, и с каждым днём проникает всё глубже даже в те сферы человеческой жизни и глубоко личностных взаимоотношений, что детерминирует их на стадии идеи, до объективного воплощения. В самом имманентном ландшафте стоимостной тотальности размыто и элиминировано всё «внешнее», то есть нет и не

может быть объективной природы вне логики её ресурса для переработки, не существует человека, его самой сущности, вне логики и процесса аспектов, в которых она может быть монетизирована – компетенции, креативность, внимание, сама психика – всё это означает как «человеческий капитал». Современному капитализму уже не нужно онтологически связывать для производства товаров человека, станки и машины – ему достаточно любого аспекта человеческого мерцания в социальном, чтобы немедленно обратить его в стоимостную форму. В этой логике не может существовать некапитализируемого знания: знанием теперь являются патенты и массивные потоки данных [7, с. 105]. Само отрицание современного капитализма и его тотальность моментально обращаются в стоимостную форму: критика капитализма есть *товар* для массового потребления через социальные сети и СМИ, протестные акции и движения превращаются в медийный контент в пабликах и каналах, а попытки создать некапитализируемые «зоны» уже на стадии зарождения становятся новой нишей глобального рынка. Капитал сегодня, а не человек и не дух, становится *Абсолютным Субъектом* Гегеля, поскольку представляет собой разум, который «обладает внутри себя как всеобщего предмета достоверностью себя самого» [1, с. 341].

Сама имманентная логика на субъективной стадии развития абстрактной субстанции стоимости требует постоянного процесса создания новых стоимостных форм, следуя своей естественной цели – бесконечному расширению. Но стоимостные *формы* в онтологическом горизонте *предшествуют* конкретному *содержанию* реальной человеческой и общественной жизни, они формируют его. Не удовлетворение человеческих потребностей делает востребованным и необходимым товар, а возможность монетизации через рождение новой стоимостной формы *формирует* общественную потребность. Человеческая жизнь подчинена и обязана постоянно адаптироваться к бесконечным требованиям новых стоимостных форм, что наглядно демонстрируют платформы, интерфейсы социальных сетей и общая матрица гиг-экономики, которые формируют конкретную жизнедеятельность, редуцируя её к потокам абстрактных данных [8, р. 8]. Это не «последний вздох» капитализма, несмотря на кажущуюся терминальную патологию, но высшая точка развития имманентной логики самого капитала. Это означает, что произошло «снятие» извечного противоречия между потребительской и меновой стоимостью, о которых писали политэкономы и сам Маркс, через полное слияние первой с последней в её самых абстрактных формах, выраженных в данных, патентах, деривативах и биопатентах. Мы наблюдаем, как процессы развития современной городской среды подчиняются не объективным требованиям людей,

а требованиям финансовых стоимостных форм: ориентация на привлечение капитала от инвесторов, брендинг города, элитной недвижимости, тотальная зависимость от рейтинговых агентств, облигации под конкретные проекты и др. Это процесс джентрификации, элиминации «бедности», абсолютизация коммерческого гламура над действительно необходимыми городскими инфраструктурами. Мы вновь наблюдаем инверсию, когда форма, выраженная в рейтинге как финансовом инструменте, *предполагает* и тотально детерминирует конкретное содержание – реальную городскую жизнь и потребности жителей.

Единственное исторически сложившееся ограничение капитала – ограниченное рабочее время – на сегодняшний день преодолено, мы можем со всей уверенностью утверждать это как состоявшийся факт. Экспансия капитализируемого времени означает, что *вся* человеческая жизнь есть источник *самоизвлекаемой* стоимости. Время бодрствования индивида поглощено социальными сетями, цифровыми платформами, которые используют внимание и данные, время воспроизводства в виде заботы о собственном здоровье уже превращено в прибыльную сферу, а будущее время человека стёрто из реальной жизни, поскольку заложено в долговых обязательствах. Цинизм современного капитализма проявляется в том, что даже биологическое время человека коммодифицировано биотехнологической оптимизацией для продления периода естественной возможности производить, потреблять и растворяться в новых стоимостных формах. Капитализированное время есть суть субстанции, из которой стоимостные формы современного капитала извлекают собственную стоимость. Так, феномен просьюмеризма, когда пользователь тратит своё «свободное» время на создание креативного контента для набора лайков и комментариев, чтобы продвигаться в алгоритмах социальных сетей. И затраченное им время не принадлежит ни ему, ни другим пользователям, но принадлежит самой платформе, на которой размещается авторский контент: генерируемые данные стоимостной формы моментально капитализируются через продажу рекламодателям. И любой пользователь сегодня – это и потребитель самого контента, и бесплатный производитель стоимости, выраженной в капитализируемых данных и самом факте вовлечённости. Таким образом, само биологическое время жизни является источником приращения капитала через стоимостную форму в виде потоков данных и внимания пользователя, минуя любые формальные трудовые отношения, поскольку реальный работодатель не артикулируется в современном капитализме. В самом пространстве капитализированного времени нет никакого разграничения или границ между трудовой деятельностью и личной жизнью.

Классическая капиталистическая система XIX–XX вв. в качестве внешнего, то есть вне самой себя, имела природу, но только как сырьевую базу, традиционные ценности, включая религиозные убеждения, сферу частной жизни и неформальный сектор организации общественных отношений. Но современная капиталистическая модель объективирует стоимостную тотальность, тем самым устраняя любое внешнее, транссубъектное измерение. Стоимостная тотальность [9, р. 351] обосновывается через бесконечное самоустановление в любых аспектах и лакунах общественного и индивидуального бытия; всё подлежит оценке и уже включено в самовозрастающий оборот абстрактной субстанции стоимости, включая углеводородные кредиты как оказание экосистемных услуг, биопатенты на геномы, эмоции работника управляются через его вовлечение в платформенные структуры, а любые социальные связи капитализируются через социальные сети. Пандемия *COVID-19* явилась трамплином для абсолютизации платформенной экономики, посредством колонизации общественных взаимоотношений стоимостной формой. Это рождает парадокс, который заключается в том, что абсолютизация капиталистической системы достигла пика своей тотальности, тем самым исключив из своего имманентного пространства любые диалектические противоречия. Но и сама система утратила источник диалектического отрицания, который и есть развитие. Капиталистическая система не угрожает сама себе, она создаёт угрозу человечеству своей негативной стабильностью и бесконечной тотальной стоимостной имманентностью. Внешний предел капиталистической системы, выразившийся не только в экономических, но и в экологических кризисах, являвшихся имманентным отрицанием капиталистического производства, ассимилирован самой системой капитализации в виде абстрактных квот на право загрязнения окружающей среды, критерии *ESG*, которые являются внешним фактором оценки капитализации компаний. Борьба с любым экологическим кризисом возможна для современной капиталистической системы только в рамках её имманентной логики, то есть в виде финансовых спекуляций и стоимостного накопления деривативов на преодоление экологических катастроф, вызванных техногенными факторами.

Несмотря на то, что абсолютная тотальность современной капиталистической системы достигла уровня самодетерминации, исключаящей любое «внешнее», тем не менее сама система имеет потенциальное самоотрицание с точки зрения диалектики стоимостных форм. Во-первых, нарастающее противоречие между самовозрастающей абстрактной субстанцией и биологической сущностью человека, выражающейся в предельной подчинённости человека логике стоимостной формы, что ведёт к разрушению психики, росту психических патологий, а от-

сюда к экзистенциальному вакууму и утрате смысла жизни. Это противоречие недостаточно именовать «отчуждением», которое имело свои границы, в полной мере его можно обозначить как онтологическое противоречие, конфликт между биологически-чувственным началом человека и лишённой качественного содержания абстрактной субстанцией стоимости. Во-вторых, противоречие между финансовой стоимостной формой, например, деривативы, высокочастотная торговля, и реальными процессами экономики, о чём говорят кризисы 2008 и 2020 гг. Тотальность финансиализации оказывается абсолютно иррациональной: абстракция стоимости в нынешних формах достигла уровня предельной самодостаточности, утратив любую связь с капитализируемым временем, став колоссальным кладбищем пустых виртуальных обязательств. Отсюда и объективация противоречия между тотальностью логики бесконечного роста стоимостной формы и ограниченностью капитализируемого времени и сырья на планете. Отсюда исходит третье основное противоречие между самовозрастающей динамикой накопления с биологическим человеческим «субстратом», поскольку экспоненциальное ускорение всех общественных процессов жизни и нового воспроизводства количества людей и восстановлением природных экосистем оказываются несовместимы. Движение абстрактной субстанции стоимости требует невозможного ускорения процессов, детерминированных природой и эволюцией, что в конечном счёте нарушает имманентную динамику накопления и расширения абстрактной субстанции стоимости и стоимостных форм.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Собрание сочинений. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. URL: <http://www.uaio.ru/marx/23.htm?ysclid=mn5ymhbbb1359214267>

3. Армен А.С. Правовая экспансия как характеристика современной западной цивилизации // Культура и цивилизация (Донецк). 2024. № 3 (21). С. 48–59.
4. Баликов В.З. Социальная и экономическая сущность «Потреблячества» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2018. № 7-2. С. 7–14.
5. Декалов В.В. Внимание как базовый ресурс коммуникативного капитализма // Российская школа связей с общественностью. 2017. № 10. С. 27–38.
6. Мадзукато М. Капитализм после пандемии // Россия в глобальной политике. 2021. № 2 (108). С. 1–11.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.
8. Pasquinelli M. How a Machine Learns and Fails: A Grammar of Error for Artificial Intelligence // Spheres: Journal for Digital Cultures. 2019. № 5. P. 17–38.
9. Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. 301 p.

Inversion of Determination and Totalization of Value Forms: Modern Capitalism as an Ontological Project

***Krasnov A.S., Volchkova O.O., Fedotov D.L.
Kazan (Volga Region) Federal University***

The aim of this study is to ontologize the category of abstract labor as the substance of capitalism and to uncover the mechanisms of inversion of determination in contemporary forms of social existence. The article examines the evolution of capital into a Hegelian "substance-subject," whose immanent purpose is expressed in the infinite self-expansion of value, totalizing the space of social and natural existence. Particular attention is paid to how the value form, which previously mediated concrete content, begins to construct social existence itself under the conditions of financialization, digital platforms, and biopolitical exploitation. The scientific novelty of this work lies in its radical ontologization of the Marxist category of abstract labor, interpreted as a primary substance structuring the ultimate modes of capitalism and ensuring the reproduction of new forms of value. The study reveals that capitalist totality reaches its ultimate penetration into all aspects of human life, from labor practices to biological time.

Keywords: value, abstract labor, substance of value, platform capitalism, labor time

